

Отзыв официального оппонента
о диссертации Николаевой Олеси Евгеньевны
**«Синкретизм дискурсивных практик в интерсемиотическом переводе:
лингвокультурологический аспект исследования»,**

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Рецензируемая диссертация призвана через разработку собственной методики анализа интерсемиотического перевода поликодовых текстов разных жанров, эпох и авторов, конкретные дискурсивные практики в их синкретичности в разрезе коммуникативной ситуации восполнить пробел в имеющихся на данный момент научных исследованиях и установить механизмы смыслопорождения первичного и вторичного поликодового текстов. Исследование опирается на современную научную парадигму – данные когнитивных наук, деятельностный подход к участникам коммуникативного акта: при создании вторичного поликодового сообщения важная роль отводится реципиенту, выступающему не только ретранслятором идей, мотивов, ключевых концептов оригинала, но и активным познающим и продуцирующим субъектом. Собственно анализ дискурсивных практик и проводится с точки зрения реципиента-продуцента, что является несомненным достоинством выполненного исследования. Анализ (методология) носит сложный и комплексный характер, охватывает несколько аспектов одновременно – интерсемиотичность, поликодовость, разножанровость, дискурс и дискурсивную практику, коммуникативную ситуацию.

Актуальность исследования обусловлена интересом исследователей и продуцентов текстов различных жанров к интерсемиотическому переводу как таковому, рассмотрения речевых произведений через призму дискурса с учетом неязыковых факторов, антропологическим характером речепроизводства/творчества, где важна когнитивная деятельность не только

автора, но и реципиента. Проведенные рядом исследователей научные изыскания не рассматривают дискурсивные практики в их синкретизме и не проводят анализа трансформаций этих практик, что обуславливает актуальность рецензируемой работы.

Теоретическая значимость работы О.Е. Николаевой заключается в объединении и грамотном применении к интерсемиотическому переводу в своем исследовании теории поликодового текста, дискурс-анализа, когнитивистики, текстологии, интертекстуальности, лингвосемиотики, лингвокультурологии.

Научная новизна заключается в детальном описании полученного в результате интерсемиотического перевода продукта с точки зрения дискурсивных практик интерпретатора, механизмов смыслопорождения автором в рамках заданного жанра, механизмов декодирования смыслов и преобразования исходного поликодового сообщения реципиентом в рамках другого жанра или в рамках синтеза разных элементов и дискурсивных практик внутри одного жанра (одного текста). **Новизна** заключается и во введении и обосновании термина «дискурс-культура» для представления механизмов реализации культурных кодов, в качестве которых берутся концепты и архетипы не в статичных текстах, а через дискурсивные практики с учётом коммуникативной ситуации и лингвокультурных условий порождения текста. Так, зонтичным типом анализа выступает интерпретативный анализ дискурсивных практик в ситуации интерсемиозиса, включающий в себя концептуальный, мотивный и лингвокультурологический анализ. Таким образом, введение автором термина «дискурс-культура» как культурного динамического пространства, в котором реализуются дискурсивные практики, и которое на них влияет, является весьма оправданным.

Практическая ценность видится в возможности использования разработанной в диссертационном исследовании собственной методики интерсемиотического перевода в транскреативных практиках, мультимедийных проектах, при разработке курсов по дискурс-анализу, лингвокультурологии.

Перспективы исследования могут предполагать эксперименты с разными реципиентами и их интерсемиотическими интерпретациями, а также реализацию трансмедийных проектов (одно произведение и его разные мультимодальные версии). Были бы интересны и полезны примеры анализа аудиодескрипции как образцов интерсемиотического перевода.

Перейдём к оценке содержания диссертационного исследования.

В качестве опорных трудов автор использует как фундаментальные труды по теории лингвосемиотики (Р. Барт, Ю.М. Лотман, Р.О. Якобсон), лингвокультурологии (А. Вежбицкая, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин), когнитивистике (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова), так и труды современных исследователей (А.Ю. Большакова, Е.Е. Бразговская, К.Е. Гайер, И.В. Коваленко и др.).

Антропологический аспект исследования базируется на работах Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, А.А. Кибрика с точки зрения коммуникативной ситуации; О.С. Иссерс, В.Н. Карпухиной, М. Фуко – дискурсивных практик и роли интерпретатора.

В Главе 1 «Современный дискурс-анализ и дискурсивные практики: интерсемиотическое измерение» формулируются теоретические основы анализа практического материала исследования, определяется категориально-понятийный аппарат. Автор исходит из положения, что единый текст может быть подвергнут множественным интерпретациям, интерсемиотический перевод предстает как цепь интерпретаций, которые сами становятся объектами последующей интерпретации (см. стр. 37).

Представляется разумным и обоснованным выбор автором для построения собственной методологии анализа интерсемиотического перевода таких когнитивных единиц, как концепт, фрейм, мотив, архетип, актуализация которых рассматривается при переходе текстового сообщения из одного жанра в другой. Автор работы выстраивает логическую цепочку, где взаимодействие вышеуказанных конститuentов – архетипические признаки концепта раскрываются в его мотивной структуре; последняя реализуется через

конкретные фрейм-сценарии. Эти же составляющие рассматриваются далее в лингвокультурологической плоскости – анализ направлен на поиск и причину возникновения конкретных вызовов. Таким образом, концепция исследования заключается в том, чтобы через систему концепта, мотива, архетипа и фрейма описать механизмы смыслопорождения и трансформации культурных кодов в ситуации интерсемиотического перевода.

В Главе 2 «Дискурсивные практики интерпретации поликодовых текстов: интерсемиотический перевод с изменением материи» демонстрируется процедура анализа вербально-музыкальных поликодовых текстов в разрезе дискурсивных практик при осуществлении интерсемиотического перевода.

Удачными представляются параллели в вербальном и музыкальном языках, установленные автором исследования в отношении ритмо-метрических характеристик: музыкальный размер – стихотворный размер, сильная доля – ударный слог, слабая доля – безударный слог; в отношении аудиальных и вербальных характеристик: слово – интервал, аккорд, словосочетание – мотив и т.д.; обращение к понятию музыкальной лексемы. Форма в музыке может меняться под действием содержания. К плюсам можно отнести осмысление дискурс-анализа по М. Фуко (стр. 28) и адаптацию этих положений для художественного текста, особенно в отношении произведений пост-модерна.

Автор наглядно демонстрирует положение о том, что текст как объект лингвокультуры, воздействующий на обладателя лингвокультуры, апеллирует к концептам и архетипам, понятным реципиенту определенной эпохи и этнической принадлежности, ключевой задачей создателя текста является поиск адекватных средств репрезентации исходного семиотического кода средствами языка перевода.

В Главе 3 «Синкретизм дискурсивных практик при порождении и интерпретации поликодовых текстов: интерсемиотический перевод со сменой и расширением знакового кода» постулируется, что при анализе приведенного специфического материала реципиент движется от формы к вычленению сообщения и декодированию смысла. Вторичное порождение смысла

осуществляется через взаимное проникновение вербальных и визуальных компонентов, создающих целостный поликодовый комплекс.

Исследователем проведен тщательный анализ достаточно сложного материала поэзии авангарда и пост-авангарда.

Достоинством является еще один аспект исследования – межтекстовый анализ произведений, созданных на разных языках (разных семиотических кодах), в разные эпохи, в разных культурах, но воспроизводящих один сюжет, одни фрейм-сценарии, концепты и архетипические образы (повесть Ж. Роденбаха «Мертвый Брюгге», архетипическое сюжетное ядро которой нашло отражение в разных лингвокультурах и разных жанрах).

Важным выводом работы является постулат о том, что поликодовый текст – динамическая среда для непрерывного процесса интерсемиотического перевода и смыслопорождения в рамках дискурс-культуры. Выделен комплекс дискурсивных практик, необходимых для осуществления интерсемиотического перевода. Проведен анализ их соотношения, взаимодействия по заявленным группам материала: вокальная музыка, кинотекст, фигурные стихи, конкретная поэзия, артланг.

Бесспорной заслугой настоящего исследования является синкретизм разных знаковых кодов в одном тексте, проблема текстопорождения с помощью языка другой семиотической системы в результате интерпретации оригинала реципиентом. Понятие языка рассматривается широко: как тип знаковой системы (дискретные единицы и грамматика), так и язык кино, язык музыки со своими средствами выразительности. В условиях интерсемиотического перевода происходит смена или расширение знакового кода, смысловое содержание передается посредством перевода знака одной системы в другую систему знаков.

Рассматриваются культурные и интеракционные фреймы по А. Нойберту. Обращение к концепту и фрейму актуально с точки зрения декодирования и порождения культурных смыслов. В работе прокладываются связи между концептами, архетипами и фреймами. Сюжет – это фрейм-

сценарий, архетипические черты концепта раскрываются через мотивную структуру. Лингвокультурологический анализ принимает во внимание историческую эпоху, специфику культуры и систему ценностей, повлиявшую на индивидуально-авторскую концептосферу.

Несомненным достоинством работы является ясный язык изложения и классификация практических результатов исследования в виде таблиц со следующими выделенными критериями: тексты для анализа, их жанр, язык и семиотические коды; уровни структурных иерархий в вербальном и музыкальном языках; дискурсивные практики в ситуациях интерсемиотического перевода с изменением материи; формальная и содержательная соотнесенность интерсемиотических переводов с оригиналом; дискурсивные практики поликодовых текстов.

Анализ всего вышеперечисленного позволяет сформулировать выводы по главам, заключение и положения на защиту, благодаря иллюстративному и экспланаторному изложению **создать убедительную доказательную базу** для логических умозаключений. **Выводы**, к которым приходит автор, носят достоверный характер.

Не вызывает сомнения **степень достоверности** данного диссертационного исследования и в силу объёма проанализированного материала. Общий объём эмпирического материала, на котором реализуются теоретические принципы и методика работы, составил 838 837 п.з., что является достаточным для данного исследования.

Опубликованные работы соответствуют теме диссертационного исследования, основные положения которого также освещались на региональных, всероссийских и международных научных конференциях. По теме диссертации опубликована 21 статья, в т.ч. 3 статьи в рецензируемых изданиях из перечня ВАК при Минобрнауки России.

Диссертация О.Е. Николаевой, бесспорно, **заслуживает высокой оценки**, но она не лишена, на наш взгляд, некоторых погрешностей. Отметим следующие:

1. Один из заявленных методов – метод интроспекции. Подкреплялся ли он какими-то данными эксперимента, выступали ли в роли исследователей или реципиентов другие участники, кроме автора диссертации? Можно ли сказать, что именно этот метод является зонтичным по отношению к другим, заявленным в исследовании?

Как проводился анализ фрагментов поликодовых текстов на английском, немецком, латинском языках (см. Глава 2. Таблица 1. Тексты для анализа, где упомянуты произведения на нескольких языках)? Автор владеет этими языками в достаточной для анализа оригинала степени?

2. Как заявленные фрагменты в разделе «Достоверность результатов исследования» соотносятся с концепцией понимания художественного текста как цельной и связной единицы в совокупности всех текстовых и внетекстовых связей? Можно ли рассматривать только скрипт фильма как поликодовый текст без учёта происходящего в кадре? Рассматривались еще другие фильмы, созданные на основе интерпретации художественных произведений, так называемые «трансмедийные проекты»? Как можно было бы применить теорию семиотических кодов И. Гамбье к исследованию аудиовизуальных произведений как поликодовых текстов?

Чьей классификацией семиотических кодов автор пользуется в таблице, представленной на стр.12-13 работы при характеристике материала?

Насколько достоверным может являться анализ автором текстов оригинала трагедии И. Гёте на немецком с точки зрения вербального кода и реализуемых смыслов? Хотя в работе не идет речь о межъязыковом переводе, но если учесть этот аспект также при интерсемиотическом переводе, то будет ли какая-то разница в полученном поликодовом произведении?

3. При анализе выделяются единицы перевода, позволяющие передать смыслы с помощью языка (кода) другой семиотической системы. Во всех ли жанрах при анализе в центре внимания стояли концепт, фрейм, мотив, архетип?

4. Положение на защиту 2: с опорой на какие источники происходил анализ исторического контекста, специфики культуры и авторской картины мира произведений XVIII-XX веков (художественная критика, труды по литературоведению, наследие семиотиков)? Так, н-р, на стр. 46 сказано, что текст активирует в сознании реципиента те культурные концепты и архетипы, которые доступны для понимания лишь ему и современникам, разделяющим общую национальную идентичность? Как это накладывается на интерсемиотический перевод и межъязыковой перевод одновременно, к примеру?

5. Как устанавливалось доминирование той или иной практики? От задеирования в произведении большего количества кодов, общей характеристики жанра как такового?

6. Разделяет ли автор исследования понятия мультимодальности и поликодовости? О первом ничего не заявлено, но схожие или различные это понятия, на Ваш взгляд?

7. Каков был критерий выделения тех или иных функций непосредственно в отношении конкретных произведений – смыслопорождающая, структурообразующая, интертекстуальная в вокальных жанрах для вербального компонента, например, и характерологическая, экспрессивная для музыкальных компонентов? (см. стр. 15.) Могут ли эти функции меняться в зависимости от конкретного произведения в рамках одного и того же жанра?

8. Можно ли связать понятие транскреации с определением дискурсивной практики на стр. 29, дискурсивная практика – это способ реализации стратегии, направленной на порождение или интерпретацию текста в дискурс-культуре, особенно при смене дискурсивных практик?

Можно ли связать с герменевтическим кругом процессы декодирования и интерпретации произведения читателем, подробно описанные на стр. 31 работы?

9. Если говорить о либретто оперы как интерсемиотическом переосмыслении и интерпретации авторского замысла (параграф 2.3.2), то зависит ли интерсемиотический перевод интерпретатора, создающего текст определенного жанра, от автора оригинала?

10. В работе дается очень детальный анализ интерсемиотического перевода поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» в либретто П.А. Висковатова. Было бы интересно посмотреть, через какие средства актуализируются доминантные концепты лермонтовского «Демона» (см. стр. 97 лингвокультурологический анализ в исследовании). Также, на какие источники сведений, касающиеся исторического контекста, культурной специфики и ценностной ориентации, под влиянием которых формируется индивидуально-авторская концептосфера, полагались при проведении исследования?

11. Что автор исследования понимает под **эквивалентной** передачей смыслов в условиях интерсемиозиса с помощью синкретического переплетения разных дискурсивных практик (см. выводы по Главе 2, стр. 100)? Кто осуществляет дискурсивные практики? В фигурных стихах авангарда и пост-авангарда это один и тот же автор? Потом уже вслед за ним читатель/реципиент?

12. В чем заключается культурный компонент в отношении фигурных стихов и «конкретной» поэзии – трансформация дискурсивных практик в ситуации интерсемиотического перевода, где вторичное порождение смысла осуществляется через взаимодействие вербальной семантики, визуальной организации текста и звукоподражательных элементов (в выводе по пункту 3.1.2 на стр.121)? Возможен ли межъязыковой перевод конкретной поэзии?

13. В параграфе 3.1.3 искусственно созданные языки являются поликодовыми текстами, тогда есть ли разница в том, что языки Толкина записаны латынью или специальным алфавитом?

14. Требуется пояснения мысль о том, что вымышленные языки формируют образную систему произведения, сочетая в себе вербальные, графические и аудиальные компоненты. Что понимается под аудиальными компонентами

(см. стр. 126)? Фонетические выразительные средства, фоносемантика или что-то иное? На стр. 127 заявлено, что вымышленные языки соединяют в себе иконическую (графическую) и аудиовизуальную составляющую (музыкальность), а естественные языки этого не имеют? И справедливо ли данное утверждение в отношении любого вымышленного языка?

Когда анализируются культурные концепты через вымышленные языки, то следует говорить о картине мира (КМ) различных народов (даже вымышленных) или картине мира конкретного автора? В чем разница между художественной КМ и КМ мира вообще? Как графический компонент в вымышленном языке (в системах тенгвар и латинице) реализует экспрессивную функцию (см. стр. 128)?

15. Хотелось бы больше экспланаторности (уточнения причин) заключения (см. стр. 145) о том, что на содержательном уровне в качестве инвариантного смыслового ядра, сохраняемого при любой дискурсивной трансформации, выступают ключевые концепты и мотивная структура текста, а сюжет и архетипические образы демонстрируют наибольшую вариативность, подвергаясь наибольшей адаптации. Почему, с какими факторами это связано?

На формальном уровне единицами соответствия были ритмическая организация, рифма, фоника. Это касается и прозаических произведений?

Вышеупомянутые соображения и также ряд вопросов не умаляют характер и не ставят под сомнение выводы проведенного исследования, а являются дискуссионными и лишь продолжают ход возможных рассуждений, вызванных внимательным прочтением работы. Эти замечания не имеют принципиального значения для общей высокой оценки диссертации. Она производит впечатление продуманного и вполне законченного исследования.

Цель данного исследования достигнута, положения, вынесенные на защиту, доказаны. Автореферат диссертации и опубликованные работы полно отражают содержание диссертации.

Диссертация Николаевой О.Е. «Синкретизм дискурсивных практик в интерсемиотическом переводе: лингвокультурологический аспект исследования», **отвечает всем требованиям**, предъявляемым к кандидатским диссертациям, изложенным в пп. 9-14 действующего «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор, Николаева Олеся Евгеньевна, заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Официальный оппонент – кандидат филологических наук (10.02.19 – Теория языка), доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Наталья Игоревна Гацура

14 января 2026 г.

ПОДПИСЬ

РАБОТНИК

ЗАВЕРЯЮ

СЕКРЕТАРЬ

УЧЕНЫМ

ЧЕНОГО

Н. И. Гацура

Н. С. РОГАЛЕВА

СЕКРЕТАРЬ ЧЕНОГО СОВЕТА ОМГУ

Контактная информация:

Адрес (рабочий): 644077 г. Омск, пр. Мира, 55, аудитория 110а

Телефон (рабочий): 8(3812) 229810

E-mail (рабочий): GatcuraNI@omsu.ru